

Библиотека Классической Литературы

МИХАИЛ БУЛГАКОВ

Белая гвардия
Пьесы
Рассказы

Москва 2021

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6я44
Б90

Предисловие *Мариэтты Чудаковой*

Серия «Библиотека всемирной литературы»

Оформление *Натальи Ярусовой*

В оформлении суперобложки использованы фрагменты работ
художника *Ивана Владимиров*

Серия «Шедевры мировой классики»

Оформление *Андрея Саукова*

Разработка серии *И. Саукова*

Иллюстрация на обложке *Вячеслава Коробейникова*

В коллаже на обложке использованы фотографии:
Oleg_Mit, FXQuardo / Shutterstock.com
Используется по лицензии от *Shutterstock.com*

Булгаков, Михаил Афанасьевич.

Б90 Белая гвардия. Пьесы. Рассказы / Михаил Булгаков. —
Москва : Эксмо, 2021. — 640 с.

ISBN 978-5-04-100479-8 (Библиотека всемирной литературы)
ISBN 978-5-04-100475-0 (Шедевры мировой классики)

Сегодня литературное наследие Михаила Булгакова воспринимается как продолжение золотого фонда русской классики XIX века. В сборник помимо романа «Белая гвардия» вошла пьеса «Дни Турбиных», с успехом шедшая в театрах при жизни автора, а также пьеса «Бег», рассказы и публицистика. Сборник предваряет вступительная статья известного булгаковеда М. Чудаковой.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6я44

ISBN 978-5-04-100479-8
ISBN 978-5-04-100475-0

© Чудакова М. О., предисловие, состав,
2021
© Булгаков М. А., наследники, 2021
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Содержание

М.О. Чудакова Третий дебют Михаила Булгакова . . . 7

РОМАН

Белая гвардия 35

ПЬЕСЫ

Дни Турбиных 367

Бег 457

РАССКАЗЫ

В ночь на 3-е число 537

Красная корона 553

Необыкновенные приключения доктора 560

Китайская история 574

Киев-город 586

Налет 598

Воспаление мозгов 607

Я убил 614

ПУБЛИЦИСТИКА

Грядущие перспективы 629

Письмо к советскому правительству
Михаила Булгакова 633

ТРЕТИЙ ДЕБЮТ МИХАИЛА БУЛГАКОВА

Как известно, «дебют» — это «начало» (франц.). Понятно, что оно бывает одно — первая публикация, первое выступление на сцене... Но у Булгакова силою вещей — ввиду особой исторической обстановки 1919–1921 гг. — оказалось три дебюта...

О них мы и расскажем.

1

В годы обучения в Первой Киевской гимназии никто не ждал, что Булгаков станет писателем. Да и сам он мечтал отнюдь не о литературной карьере — он хотел быть певцом...

Писать он начал в студенческие годы (на медицинском факультете Университета св. Владимира). Но только в 1916–1917 годах, будучи земским врачом в Смоленской губернии — в селе Никольском, а затем в Вязьме, — последовательно работает над «Набросками земского врача» (будущие «Записки юного врача»).

1917 год перевернул жизнь России — и жизнь Булгакова.

...В 1923 году, оглядываясь на десятилетие назад, Булгаков напишет: «...Это были времена легендарные, те времена, когда в садах самого прекрасного города нашей родины жило беспечальное юное поколение. Тогда-то в сердцах этого поколения родилась уверенность, что вся жизнь пройдет в белом цвете, тихо, спокойно: зори, зака-

ты, Днепр, Крещатик, солнечные улицы летом, а зимой — не холодный, не жесткий — крупный, ласковый снег...

...И вышло совершенно наоборот.

Легендарные времена оборвались, и внезапно и грозно наступила история».

В октябре 1917 года Булгаков, в то время — уже врач в Вяземской больнице, заведовавший инфекционным и венерическим отделениями, — ненадолго окажется в Москве.

А на улицах его родного Киева в ноябре 1917 года идут ожесточенные бои. В них участвует младший брат Булгакова, молодой юнкер Николай...

И 31 декабря уже из Вязьмы Михаил напишет сестре Наде: «Я в отчаянии, что из Киева нет вестей. А еще в большем отчаянии я оттого, что не могу никак получить своих денег из Вяземского банка и послать маме. У меня начинает являться сильное подозрение, что 2000 р. рухнут в море русской революции...»

Большевики, захватив власть в стране, национализировали, то есть конфисковали, банковские вклады: для этого сразу же были закрыты все банки.

«...Недавно, — продолжал Булгаков письмо сестре, — в поездке в Москву и Саратов мне пришлось все видеть воочию, и больше я не хотел бы видеть.

Я видел, как серые толпы с гиканьем и гнусной руганью бьют стекла в поездах. Видел, как бьют людей. (Татьяна Николаевна говорила мне: «Михаил вообще не мог видеть, как кого-то бьют». — М.Ч.) Видел разрушенные и обгоревшие дома в Москве... тупые и зверские лица...

Видел толпы, которые осаждали подъезды захваченных и запертых банков, голодные хвосты у лавок, затравленных и жалких офицеров, видел газетные листки, где пишут, в сущности, об одном; о крови, которая льется и на юге, и на западе, и на востоке, и о тюрьмах. Все воочию видел и понял окончательно, что произошло».

Выделенные курсивом очень редкие в те годы и потому драгоценные слова! Мало, мало кто в России в первые

месяцы после Октября понял так же «окончательно», как Булгаков, что именно произошло в их стране...

Люди в спешке покидали страну — и обещали друзьям вернуться через два-три месяца, потому только, что — «Ну не может же ТАКОЕ продолжаться долго!».

Ни в малой степени не захваченный, как большинство российской интеллигенции, социальными утопиями, доктор Булгаков верно оценил катастрофические последствия яростно навязываемой Лениным стране *диктатуры* как единственного способа правления при движении страны к социализму...

То есть вооруженного насилия одного слоя населения над всеми другими.

Тень этой катастрофы обозначена в романе о Гражданской войне, который Булгаков начнет писать в 1919–1920 годах. (тогда еще не теряя надежды выбраться из Батума в Европу и напечатать роман в Париже!..), одной фразой: «...Турбин, ...постаревший и мрачный с 25 октября 1917 года...»

Зрелище «затравленных и жалких офицеров» глубоко вошло в творческую память Булгакова (офицерская среда была ему знакома и близка) — и вскоре вызвало непреодолимое желание полемики.

Вот почему свой первый роман Булгаков назовет с неслыханной для тех лет дерзостью — «*Белая гвардия*»...

2

...Но до этого еще далеко.

В марте 1918 года, с большими усилиями освободившись от военной службы и от врачебной деятельности в Смоленской губернии (он был командирован туда как военнопленный), Булгаков вместе с женой через Москву срочно уезжал в Киев.

Татьяна Николаевна рассказывала мне в конце 70-х: «...В Киев из Москвы уходил последний поезд — позже нельзя было бы уже выехать».

Дело было в том, что еще до Брестского мира Германия заключила с Украиной свои соглашения — и, как пишут историки, 1 марта 1918 года на немецких штыках в Киев вернулась Центральная Рада. А в апреле там уже выбирали «гетьмана всея Украины» Скоропадского...

То есть Булгаков ехал в родной город Киев, который уже не был частью России. Но при немцах там поддерживался какой-то порядок.

Но сама Россия после разгона Лениным в начале января 1918 года Учредительного собрания (выборы которого готовились всей страной много месяцев) потеряла сколько-нибудь легитимные очертания и стала просто заваченной большевиками территорией.

Булгаков завел у себя дома врачебную практику, и на прием к венерологу шло немало солдат...

Россия и Украина после Брестского мира вышли из войны, но Англия и Франция ее продолжали. И осенью 1918 года Германия потерпела чувствительное поражение — предвестие проигранной ею войны. Вслед за тем в ней началась революция — и кайзер Вильгельм бежал из страны... Через несколько лет в романе «Белая гвардия» Булгаков так опишет это важное событие европейской истории:

«Весь мир, ошеломленный и потрясенный, узнал, что тот человек, имя которого и штопорные усы, как шестидюймовые гвозди, были известны всему миру и который был-то уж наверняка сплошь металлический, без малейших признаков дерева, он был повержен. Повержен в прах — он перестал быть императором. Затем темный ужас прошел ветром по всем головам в Городе: видели, сами видели, как линяли немецкие лейтенанты...»

К ужасу киевлян, немецкая армия покидала Город, отправляясь на родину.

А на Киев (в те годы город по преимуществу русский) начал наступление Симон Петлюра — социалист по политическим убеждениям, глава Украинской народной республики. За ним шло огромное войско, состоявшее главным образом из селян, ненавидевших и гетмана Скоропадского,

и большевиков (которых пока знали только понаслышке), и Деникина, и русских офицеров, составлявших немалую часть населения Киева. Армия, сколоченная Петлюрой, во много раз их превосходила. И Булгаков с горечью опишет в романе, как «отваливала» пытавшаяся защитить город «в достаточной мере ошеломленная густым огнем, жиденская и разношерстная белогвардейская пехота...»

Именно с таким вариантом разливавшейся по стране Гражданской войны столкнулся Булгаков в родном городе. Он будет стремиться избежать мобилизации сначала петлюровцами — и опишет реальный от них побег в ранней редакции романа (см. «В ночь на 3-е число»), а затем — большевиками, вошедшими в Киев в начале февраля 1919 года и заливавшими его кровью до конца августа. Их вытеснила наконец из города белая армия и, открыв подвалы Чека, предъявила горожанам *гофы* расстрелянных, среди которых люди находили своих близких.

Вскоре мобилизованный Добровольческой армией Булгаков выехал на Северный Кавказ, где шли бои белых с Красной армией, — в военный госпиталь во Владикавказе.

...Его жена Татьяна Николаевна, приехавшая к мужу месяца два спустя, рассказывала мне: «...Когда я приехала к нему во Владикавказ, он мне сказал: «Я печатаюсь». Я говорю: «Ну, поздравляю, — ты же всегда этого хотел».

3

Статья «Грядущие перспективы» — скорей всего, первая публикация Булгакова. Он сам оставил нам на это некоторые указания.

Уже в Москве, в конце 1920-х, он составил альбом вырезок — наклеивал отзывы критики (в основном ругательные) на его прозу и на спектакли.

Но открывался альбом не очень понятной страницей...

Обработывая архив писателя в Отделе рукописей тогдашней «Ленинки» (сейчас — Российская государственная библиотека), я размышляла над этой страницей. В самом

ее верху синим карандашом обозначен год: «1919». Естественно предположить, что Булгаков обозначил на первой странице собрания статей о себе год начала своего печатания. И ниже наклеен фрагмент 1-й газетной страницы: кусок названия — «РОЗН» — и под ним дата «13(26) ноября 1919 г.». Название газеты скорей всего было — «Грозный». А искать ее следовало в советских *спецхранах* — спецотделах советских библиотек, где хранилась литература, не прошедшая по тем или иным причинам советскую цензуру, и потому доступ к ней читателей был затруднен.

Это был как раз тот самый случай. В ноябре 1919 года в Грозном была еще власть Добровольческой армии, и было ясно, что изданная при ней газета не может в советские годы находиться в открытом доступе. И я не раз обращалась к поклонникам Булгакова с просьбой о поисках этого номера газеты — в закрытых фондах.

Когда наконец она была найдена, стало ясно, как хитроумно спрятал Булгаков напечатанную там статью (подписанную инициалами, но не оставляющую сомнений в авторстве — и грозящую автору весьма большими неприятностями...) — она напечатана на той стороне страницы, которая была Булгаковым наклеена на лист альбома...

Первой же своей публикацией Булгаков входил в самую сердцевину спора, который идет уже сто лет, — КТО ВИНОВАТ?

Кто виноват в национальной катастрофе, определившей жизнь России на весь двадцатый век?..

Важнейший мотив первой публикации будущего писателя — мотив вины *общенациональной*. Это было при нас — значит, *все мы* повинны в том, что допустили братоубийство, причем в невиданных масштабах. Как скажет в «Белой гвардии» Елена, молясь Богородице о брате, «все мы в крови повинны...».

И мотив *вины* станет сквозным мотивом творчества писателя.

...Статья подводила итоги пережитого за 1917–1919 годы и была окрашена мрачными ожиданиями. Ее автор

понимал (в отличие от многих), что деваться некуда — придется платить по счетам: «Платить за безумство мартовских дней, за безумство дней октябрьских...»

Прогнозы его относительно «грядущих перспектив» оказались безотрадными:

«Кто увидит эти светлые дни?

Мы?

О нет! Наши дети, быть может, а быть может, и внуки...»

Это был первый — *белый*, по нашему именованию, — дебют Булгакова.

Зимой 1919–1920 годов в белогвардейских газетах было напечатано немало его рассказов. Они до сих пор не найдены.

4

В начале 1920 года стало очевидно, что красные уверенно теснят белых.

Именно в это время — в феврале — Булгаков решительно порывает с медициной — то есть профессией, в тот исторический момент прямым образом насильственно связывающей любого медика с той или иной властью и ее армией.

Он принял давно созревшее решение — целиком отдаться литературной работе. И год спустя сопровождает посылную в Москву (надеясь получить с ней носильные вещи — свои и жены) наставлением сестре в письме — не вести с приезжей никаких «лекарских» бесед, «которые я и сам не веду, с тех пор, как окончил естественный и занимаюсь журналистикой. Внуши это Константину (их кузену — близкому другу Булгакова. — *М.Ч.*). Он удивительно тороват на всякие lapsus'ы».

В дни этого серьезного жизненного перелома происходит некая случайность, сыгравшая роковую роль во всей дальнейшей судьбе Булгакова.

В тот самый момент, когда его армия готовилась к эвакуации, он заболел. Татьяна Николаевна рассказывала:

«...Головная боль, температура сорок... Приходил очень хороший местный врач, потом главный врач госпиталя. Он сказал, что у Михаила возвратный тиф: «Если будем отступать — ему нельзя ехать». Однажды утром я вышла и вижу, что город пуст. <...>Во время болезни у него были дикие боли, беспмятство... Потом он часто меня упрекал: «Ты — слабая женщина, не могла меня вывезти!» Но когда мне два врача говорят, что на первой же остановке он умрет, — как же я могла везти? Они мне так и говорили: «Что же вы хотите — довести его до Казбека и похоронить?»

Его армия двигалась по Военно-Грузинской дороге в Новороссийск — там их ждали суда, чтобы переправить в Крым... Судов не хватало. Попавших в плен к красным ожидала страшная участь. В одном из мемуаров о том времени — зарисовка с натуры: «Момент пленения нас большевиками не поддается описанию; некоторые тут же предпочитали покончить счеты с жизнью. Мне запомнился капитан Дроздовского полка, стоявший недалеко от меня с женой и двумя детьми трех и пяти лет. Перекрестив и поцеловав их, он каждому из них выстрелил в ухо, крестит жену и прощается с ней; и вот, застреленная, падает она, а последняя пуля в себя...»

5

Когда Булгаков очнулся от беспмятства — в городе были красные.

Уже шли расстрелы сотрудничавших с белыми. Он уцелел чудом.

Надо было зарабатывать на жизнь. Его взял под свое начало петербургский литератор Юрий Слэзкин (отраженный впоследствии в «Записках покойника»), уже возглавивший в так называемом «наробразе» так называемый «подотдел искусств».

Его *белый дебют* в ноябре 1919 года, как и все, происходившее с ним с тех пор до февраля 1920 года, — все

это подлежало теперь забвению, поскольку могло стоять жизни.

Булгаков читает в 1-м Советском театре вступительные лекции для малоподготовленной аудитории — перед спектаклями по классическим пьесам (Шекспир и проч.). И сам начинает писать пьесы — для *советского* театра...

Так появляется впервые на страницах его рукописей семья Турбиных — в пьесе «Братья Турбины», — не о 1918-м (как впоследствии в романе «Белая гвардия» и пьесе «Дни Турбиных»), а о 1905 годе.

Пьеса идет на сцене Советского театра.

Это — его «красный дебют».

1 февраля 1921-го Булгаков пишет своему кузену: «Жизнь моя — мое страдание. ...Какая печаль была у меня в душе, что пьеса идет в дыре захолустной, что я опоздал на 4 года с тем, что я должен был давно начать делать, — писать».

У него написано еще несколько пьес («Самооборона», «Глиняные женихи» и др.), но его самооценка в том же письме — беспощадна: «Рвань все — и «Турбины», и «Женихи», и эта пьеса. Все делаю наспех. В душе моей печаль».

...Эта уничтожающая самооценка свидетельствует: его подлинный дебют еще впереди...

Так или иначе, он в 29 лет — в положении начинающего писателя, что для него, весьма чувствительного к ходу жизненного времени, — почти непереносимо.

И в том же письме Константину Булгакову — крайне важное сообщение:

«Пишу роман, единственная за это время продуманная вещь».

Он сообщает, что надеется покинуть Владикавказ «весной или летом. Куда? Маловероятно, но возможно, что летом буду проездом в Москве. Стремлюсь далеко...».

Последняя фраза прочитывалась его адресатом однозначно, но Булгаков еще посылал ему одну из своих афиш с говорящей надписью — «На память на случай, если не встретимся».